

Глава VII. Наступление

Дуррути — Гарсия Оливер

23 июля 1936 года Гарсия Оливер обратился по радио к арагонским рабочим. Он произнёс зажигательную речь — призыв к борьбе:

«Выходите из дома. Бросайтесь на врага. Не ждите ни минуты. Именно сейчас вы должны взяться за дело. Это — особая задача для активистов НКТ и ФАИ. Наши товарищи должны встать в авангарде бойцов. И если надо умереть, мы умрём (...). Мы, Дуррути и тот, кто сейчас обращается к вам, — Гарсия Оливер — выйдем во главе колонн. Мы уже выслали эскадрилью самолётов для бомбардировки казарм. Члены НКТ и ФАИ должны исполнить миссию этого момента. Используйте все ресурсы. Не ждите конца моего выступления. Оставьте ваш очаг, жгите, разрушайте, сражайтесь с фашизмом»⁶⁸.

Новость об организации рабочих колонн для марша на Арагон вызвала огромную волну энтузиазма в Барселоне. Рабочие приходили в свои профсоюзные организации, чтобы записаться добровольцами, и на футбольных полях и других пунктах Комитета рабочих кварталов по своей инициативе принялись за обучение волонтёров простейшим формам борьбы, а также метанию гранат и обращению с винтовками.

Среди добровольцев были люди всех возрастов: с четырнадцати до шестидесяти лет. Однако преобладали рабочие, активно участвовавшие в революционной деятельности и имеющие опыт. Сразу же стало ясно, что наиболее способные и подготовленные члены НКТ и Либертарной молодёжи выступали на линию фронта. Тыл оставался под контролем присоединившихся к борьбе в последнюю очередь, и это могло навредить процессу самоуправления, осуществляемому рабочими, который разрастался подобно масляному пятну. Необходимо было приостановить такой энтузиазм, принимая во внимание важность участия в сражениях, но одновременно понимая, что триумф коллективной экспроприации являлся жизненно необходимым; успех в этой экономической и социальной сфере определял в конечном счёте победу революции, утверждая политическую и экономическую способность рабочего класса⁶⁹.

Рабочей мобилизации не было равных. Не существовало специального декрета — всё происходило по инициативе самих людей. Добровольцы обсуждали наилучший способ организации, так как никто не хотел ни возрождения духа милитаризма, ни иерархии командования. Именно в результате этих бесед будущих бойцов родилась структура и организация милиций, которая будет существовать вплоть до всеобщей милитаризации марта 1937 года. Идея организации была проста: десять человек образовывали группу, которая выбирала делегата; десять групп составляли одну центурию, которая, в свою очередь, назначала своего делегата, а пять центурий образовывали группировку, во главе

которой находился ответственный. Он вместе с делегатами центурий составлял Комитет группировки⁷⁰.

Перес Фарр́ас, будущий военный и технический советник колонны «Дуррути», которая находилась в процессе формирования, тотчас же высказал своё несогласие с такой формой организации, пессимистически оценивая её полезность в ходу сражений. Дуррути вскоре заметил для себя, что Перес Фарр́ас ненадолго останется его военно-техническим советником, и избрал на этот пост сержанта артиллерии Мансану, который лучше понимал психологию анархистов, враждебно относившихся ко всему тому, что означало пирамидальную практику приказов и подчинений. Своим советникам Мансане и Кареньо (школьному учителю) Дуррути поручил задачу снабдить колонну артиллерийскими орудиями, боеприпасами, медицинским подразделением в составе докторов и медсестёр, а также операционной для походных условий.

Мансана, не входя в долгие разъяснения, быстро сообразил, в чём состоят требования Дуррути, и сделал всё возможное, чтобы с успехом выполнить порученную задачу. Он был знаком с рядом солдат и офицеров, вошедших в состав колонны. Так, при поддержке Дуррути и имея в виду, что все они могут служить инструкторами для остальных, их включили в состав уже организованных групп, без какого-либо давления, в атмосфере братского взаимопонимания. Тем не менее Перес Фарр́ас не расстался со своими идеями и в конце концов разъяснил свою позицию Дуррути:

«Этот метод не подходит для боя».

Дуррути ответил ему:

«Я уже говорил об этом и сейчас повторю ещё раз: всю мою жизнь я прожил как анархист, и тот факт, что теперь меня назначили делегатом большой группы людей, не может заставить меня изменить мои убеждения. Именно при таком условии я дал согласие взяться за работу, порученную мне Центральным комитетом милиций.

Я думаю — и всё происходящее вокруг подтверждает мои мысли, — что рабочая милиция не может быть управляема по классическим армейским правилам. Так, я считаю необходимыми дисциплину, координацию и осуществление какого-либо плана. Но всё это нельзя рассматривать согласно критериям, которыми пользовался мир, сейчас разрушаемый нами. Мы должны созидать на новых основах. Я и мои товарищи считаем: солидарность между людьми — самый лучший мотив для пробуждения индивидуальной ответственности, которая сможет принимать дисциплину как акт самодисциплины.

Нам навязывают войну, и борьба в ней отличается от той тактики, с помощью которой мы одержали победу, но цель наших сражений — триумф революции. Это означает не только победу над противником, но и то, что она должна быть достигнута путём радикального изменения человека. Для того, чтобы эта перемена произошла, необходимо, чтобы люди научились жить и вести себя как свободные личности. В процессе такого обучения развиваются их способности нести ответственность за собственные поступки. Рабочий на своём посту не только изменяет формы материи, но и путём исполнения этой задачи

изменяет самого себя. Боец — не кто иной, как рабочий, использующий оружие как инструмент труда, и его действия должны быть направлены на те же самые цели, что и действия рабочего. В бою нельзя вести себя подобно солдату, исполняющему приказы; люди должны осознавать непреходящее значение своих актов. Я знаю, что достичь этого нелегко, но я также знаю: то, что не является результатом осознания, не может быть получено в результате применения силы. Если наш революционный военный аппарат должен поддерживаться страхом, в этом случае мы ничего не изменили, за исключением цвета самого страха. Только освободившись от страха, общество сможет развиваться свободно»⁷¹.

Дуррути выразился предельно ясно, и его целью было не что иное, как объединение теории с практикой и наоборот. Как анархист, он желал сохранить верность своим идеям, несмотря на ответственность руководства рабочей колонны, выступающей на линии фронта Арагона⁷².

Тем временем подготовка экспедиции в Сарагосу продолжалась. Вскоре на земле Арагона разразятся масштабные баталии — как на военной линии фронта, так и на фронте крестьянской революции. В Сарагосе был дислоцирован общий гарнизон V военной дивизии под командованием генерала Мигеля Кабанельяса. В составе этих сил находились следующие структуры:

«Две пехотные бригады: IX (общий гарнизон, Сарагоса) и X (общий гарнизон, Уэска), кроме того — одна артиллерийская бригада, номер V (Сарагоса), с четырьмя пехотными полками, двумя артиллерийскими, инженерным батальоном и соответствующими службами.

Кроме того, в качестве недивизионных частей — автомобильный полк, кавалерийский; подразделение ремонтного склада, зенитная группа, парк военного корпуса, батальон мостоукладчиков и медицинская служба.

Основные военачальники: генералы: дон Мигель Кабанельяс (V дивизия), Альварес Аренас (IX бригада), Де Бенито (X бригада) и дон Эдуардо Мартин Гонсалес (V артиллерийский полк).

Нельзя забывать о существовании структур охраны правопорядка. Кроме Штурмовой гвардии Сарагосы, были задействованы восемнадцать рот Гражданской гвардии и пять рот карабинеров.

Личный состав армии понёс сильные потери, но в качестве компенсации, можно сказать, начиная с самых высших рангов до самых низших, почти все без исключения были полностью настроены на исполнение планов генерала Моля»⁷³.

Хосе Чуэка, говоря о сдаче Сарагосы, задаёт себе вопрос:

«Смогли ли мы сделать более того, что было сделано? Возможно. Мы слишком доверились обещаниям гражданского губернатора (Вера Коронель) и придали слишком много значения нашим силам; не захотели предусмотреть, что перед лицом возможного натиска фашизма нужно было иметь нечто более мощное, чем тридцать тысяч рабочих, организованных в

профсоюзы»⁷⁴.

А Мартинес Банде пишет:

«Ночью 17-го, как только пришли новости о событиях в Марокко, массы решительно настроенных экстремистов заняли главные улицы. Весь день 18-го прошёл в напряжённом ожидании, многочисленные группы добровольцев явились в гарнизоны, а на рассвете 19-го было объявлено военное положение. В ответ НКТ в тот же самый день объявила всеобщую забастовку, которая была подавлена 22-го числа энергичными действиями военных властей и в результате ряда столкновений.

В Калатаюде, 20 июля полковник Муньос Кастьянос объявил военное положение, без инцидентов; но армейские подразделения и структуры правопорядка вместе с добровольцами должны были освободить значительное число посёлков. На севере Эбро — семь населённых пунктов, в прибрежных районах — четыре, а на юге от Эбро — десять, включая Бельчите»⁷⁵.

Так же, как Сарагоса и Калатаюд, во власти повстанцев оказались Уэска и Теруэль. Барбастро представлялся островком, занятым солдатами-республиканцами под командованием полковника Вильяльбы.

Таковой была картина арагонской земли, когда Дуррути, ведя за собой две тысячи «милисьянос» поставил цель завоевания Сарагосы. 24 июля в десять часов утра колонна «Дуррути» должна была выйти из Пасео-де-Грасия по направлению к Сарагосе, через Лериду. В восемь утра Дуррути выступил по радио, обращаясь к рабочему населению Барселоны с просьбой поддержать снабжение колонны продуктами питания. Такой необычный призыв удивил всех. Конечно, для этого были свои причины. Распределение пищевых продуктов в какой-то степени было задачей Комитетов рабочих кварталов, Профсоюзов пищевой промышленности и Центрального комитета антифашистских милиций. Разве эти организации отказывали Дуррути в возможности организовать интендантскую службу? Вскоре Дуррути удовлетворил любопытство:

«Наиболее мощное орудие революции — энтузиазм. Она побеждает, когда все вокруг заинтересованы в победе и воспринимают её как своё личное дело. Реакция на мой призыв, — сказал он тем, кто выказал удивление, — покажет нам степень интереса со стороны Барселоны в отношении революции и её победы. Кроме того, эта мера поставит каждого перед лицом своей собственной ответственности, она — возможность осознания всеми того факта, что наша борьба — коллективная и что её триумф зависит от усилий всех. Именно в этом, и ни в чём другом заключается смысл нашего призыва», — сказал в заключение Дуррути⁷⁶.

Незадолго до выхода колонны «Дуррути» её делегат находился в Профсоюзе металлургов, обсуждая вопрос о бронировании грузовиков. Там он дал интервью журналисту Toronto Star Ван Пассену; тот позднее опубликует репортаж под названием «Два миллиона анархистов сражаются за революцию». В этой статье он тотчас же представляет Дуррути читателям:

«Высокий, смуглый человек с арабскими чертами лица. Сын простых крестьян. Его голос — энергичный, почти гортанный».

Ван Пассен спросил, считает ли Дуррути, что повстанцы уже разгромлены:

— Нет, пока мы их не победили, — ответил он честно. И добавил: — Сарагоса и Памплона под их контролем. Там находятся арсеналы и фабрики боеприпасов. Мы должны занять Сарагосу, и затем выйдем навстречу частям Иностранного легиона, которые, посланные генералом Франко, подходят с юга. Через две или три недели мы вступим в решающие бои.

— Две или три недели? — спросил заинтригованный журналист.

— Две или три недели. Или, быть может, месяц, — подтвердил Дуррути. Борьба продлится как минимум весь август. Рабочий народ вооружён.

В этой битве армия не в счёт. Существуют две стороны: люди, сражающиеся за свободу, и те, которые идут в бой, чтобы подавить её. Все трудящиеся Испании знают, что, если фашизм победит, наступят голод и рабство. Но фашисты также знают, что их ждёт, если они потерпят поражение. Поэтому борьба будет беспощадной. Для нас она означает разгром фашизма, и так, чтобы он никогда не смог поднять головы в Испании. Мы твёрдо намерены раз и навсегда покончить с ним, и своими силами, и несмотря на правительство...

— Почему вы говорите: “и несмотря на правительство”? Разве это правительство не борется против фашистского мятежа? — спросил я с удивлением.

— Ни одно правительство в мире не борется с фашизмом до победного конца. Когда буржуазия, — добавил он, — видит, что власть ускользает из её рук, она, чтобы сохранить свои привилегии, прибегает к поддержке фашизма. Именно это происходит сейчас в Испании. Если бы республиканское правительство хотело покончить с фашистскими элементами, то давно могло бы сделать это. Однако оно медлило, шло на уступки и теряло время в поисках компромиссов и соглашений с фашистами. Даже сейчас, в эти моменты, в правительстве есть люди, желающие принятия очень умеренных мер против фашистов. Кто знает, — сказал, смеясь Дуррути, — быть может, правительство всё ещё надеется применить силы повстанцев для подавления революционного движения, начатого рабочими!

— Значит, — спросил Ван Пассен, — вы предвидите сложности даже после победы над мятежниками?

— Это так. Буржуазия будет сопротивляться; она не согласится подчиниться революции, которую мы сохраним во всей её мощи», — ответил Дуррути.

Журналист указал ему на противоречие революции, проводимой анархистами:

«— Ларго Кабальеро и Индалесио Прието утверждают, что задача Народного фронта — в том, чтобы спасти Республику и восстановить буржуазный строй. Однако вы, Дуррути, говорите мне, что народ желает, чтобы революция продвинулась как можно дальше. Как

понять такое противоречие?

— Антагонизм очевиден, — ответил он. — Будучи буржуазными демократами, эти господа не могут разделять мыслей, отличных от тех, которые они сами исповедуют. Но простые люди, рабочий класс устал от обманов. Трудящиеся знают, чего они хотят. Мы боремся не за народ, а вместе с народом, другими словами — за революцию в пределах самой революции. Мы осознаём, что в этой борьбе мы одиноки и что можем рассчитывать лишь на самих себя. Для нас ничего не означает существование Советского Союза в какой-то части света, потому что мы заранее знали о его отношении к нашей революции. Для Советского Союза единственно важным является его собственное благополучие. Для этого спокойствия Сталин принёс в жертву фашистским варварам немецких рабочих. До этого он так же поступил с китайскими рабочими, покинутыми им. Мы выучили преподнесённые нам уроки и хотим идти вперёд в наших революционных действиях, потому что хотим перемен сейчас, а не после, быть может, завершения будущей войны в Европе. Наша позиция является примером того, что мы являемся для Гитлера и Муссолини более сильной головной болью, чем Красная армия, потому что они боятся своих народов, которые, последовав нашему примеру, заразятся нашим энтузиазмом и покончат с фашизмом в Германии и Италии. Этот страх также беспокоит и Сталина, потому что триумф нашей революции обязательно отразится на русском народе».

Ван Пассен подводит итог:

«Этот человек говорит от имени профсоюзной организации, в рядах которой приблизительно два миллиона трудящихся и без чьей поддержки Республика не может ничего сделать, даже если предположить, что она одержит победу над мятежниками. Я решил узнать ход его мыслей, так как для лучшего понимания событий в Испании необходимо выяснить, что думают рабочие. По этой причине я взял интервью у Дуррути, потому что в силу его значения и престижа в народной среде он является подлинным и типичным представителем вооружённых рабочих. Судя по его ответам, становится предельно ясно, что Москва не имеет здесь никакого влияния, ни морального права говорить от имени испанских рабочих. По словам Дуррути, ни одно из европейских государств не испытывает симпатий к либертарному духу испанской революции, — напротив, они хотели бы задушить это движение.

— Ожидаете ли вы сейчас какой-либо помощи от Франции или Англии, зная, что Гитлер и Муссолини начали поддерживать военных мятежников? — спросил я.

— Я не жду никакой помощи для либертарной революции от какого бы ни было правительства в мире, — ответил сухо Дуррути. И добавил:

— Может случиться, что конфликты интересов империализма каким-то образом повлияют на нашу борьбу. Это возможно. Генерал Франко делает всё возможное, чтобы втянуть Европу в войну, и ни на минуту не усомнится в том, чтобы бросить Германию против нас. Но, в конце концов, я не жду ничьей помощи, и в конечном счёте — даже от нашего правительства.

— Сможете ли вы победить в одиночку? — спросил я прямо».

Дуррути не ответил. Задумываясь, он прикоснулся к подбородку. Его глаза блеснули. Тогда Ван Пассен задал ещё один вопрос:

«— Но даже в случае успеха вы унаследуете лишь груды руин, — заметил я, нарушая молчание.

Казалось, Дуррути прервал какое-то глубокое раздумье и мягко, но уверенно ответил мне:

— Мы всегда жили в нищете и на какое-то время как-нибудь наладим жизнь. Но не забывайте, что только рабочие производят богатства. Именно мы — рабочие — приводим в движение промышленное оборудование, добываем уголь и минералы в шахтах, создаем города... Почему же мы в более благоприятных условиях не сможем построить и заменить то, что было разрушено? Разруха не страшит нас. Мы знаем, что унаследуем одни лишь развалины, потому что буржуазия в последней фазе своего исторического существования попытается свести на нет всё вокруг. Но я повторяю вам: нас не пугают руины, потому что в наших сердцах живёт новый мир, — сказал он тихо и жёстко. А затем добавил: — Этот мир создаётся прямо сейчас»⁷⁷.

Приблизительно в десять утра, добровольцы колонны «Дуррути» начали прибывать на заполненную толпами людей, желающих присутствовать при отправлении того необыкновенного каравана: грузовиков, автобусов, такси и автомобилей для туристов. Энтузиазм был огромным. Быстрая победа в Барселоне давала право на такой энтузиазм. И намеченный поход к Арагону представлялся многим короткой прогулкой.

Приблизительно в полдень колонна в составе двух тысяч человек в атмосфере радостных возгласов, поднятых вверх кулаков, революционных песен двинулась в путь. Громче всех звучал гимн НКТ-ФАИ «На баррикады!».

Впереди ехал грузовик с десятком молодых ребят, среди которых выделялась мощная фигура Хосе Эллина, размахивающего красночёрным знаменем. Он погибнет 17 ноября, защищая Мадрид и подрывая гранатами итальянские танки. За ними следовала Центурия под началом делегата, металлурга Ариса. За ними шли пять центурий, которые вскоре отличатся, как настоящие элитные подразделения подрывников: то были шахтёры из Фигольса и Саллента. Также выступали моряки из синдиката Морского транспорта, зарекомендовавшие себя отличными герильерос. В первых рядах, как всегда, был моряк Сетонас.

Делегатом III центурии был Эль Падре — старый боец, принявший участие в революционном движении Панчо Вильи в Мексике. IV центурия шла под командованием рабочего-текстильщика Хуана Косты; и V, в составе которой находились исключительно металлурги, была представлена делегатом, молодым анархистом 19 лет — Муньосом.

Между двумя автокарами продвигался «Испано», на котором ехали Дуррути и Перес Фаррác. Дуррути — молчаливый, отчуждённый — не обращал внимания на громкие приветствия и поднятые кулаки. Он переживал чувство ответственности перед лицом обстоятельств. 70% бойцов колонны представляли собой цвет молодых анархистов Барселоны. Юноши и взрослые мужчины 19 июля и до этой даты узнали на себе, что такое уличные сражения и

столкновения с органами правопорядка. Однако им не была известна борьба на открытой местности, другими словами — война.

Перед выходом из Барселоны в казарме имени Бакунина Дуррути обратился к составу колонны с речью. Он предупредил всех о разнице между сражениями, известными им на практике, и теми, с которыми они столкнутся в Арагоне. Но Дуррути знал, что слова не могут заменить сам опыт. Он рассказал об авиационной бомбардировке и пушечных выстрелах, предшествующих атакам. О боях врукопашную с применением холодного оружия. И особенно отметил разницу между буржуазной армией и вооружённым пролетариатом, в обращении с крестьянами и населением в тылу.

Проблема командования ещё не была разрешена. Он детально разъяснил свою позицию перед Центральным комитетом антифашистских милиций и позднее повторил её Пересу Фаррасу. Дуррути знал о том доверии, которое испытывали к нему его товарищи, даже если бы он призвал их идти на смерть. Но не смерть являлась целью Дуррути, а сама жизнь. Любой военный может, без всякого зазрения совести, со своего командного поста, послать людей на смерть; впоследствии восполнить людские потери — и делу конец. Но Дуррути знал, что большая часть его людей были революционерами, и таких людей нельзя заменить. В его памяти всплывали слова Нестора Махно:

«Разница между командующим, который отдаёт приказы, и революционером, который направляет, заключается в том, что первый применяет силу, в то время как у второго нет другого авторитета, кроме его собственного примера»⁷⁸.

Висенте Гуарнер даёт оценку двум мужчинам, возглавлявшим колонну:

«Дуррути — командир, с которым мне довелось общаться, — обладал необыкновенным характером. Около сорока лет, решительный, с пронизательным и детским взглядом, роста выше среднего. Он ранее был железнодорожным рабочим. Перес Фаррас — уроженец Лериды, импульсивный, резкий в суждениях, высокого роста, широколобый. Его природный талант иногда омрачался короткими вспышками...»⁷⁹

В то время как колонна «Дуррути» шла через Лериду на Сарагосу, Гарсия Оливер не терял времени в Военном департаменте. 23 июля он встретился с Хулио Альваресом дель Вайо, остановившимся в Мадриде проездом из Франции. Он поговорил с ним и настоял — принимая во внимание его влияние в кругах социалистов, в частности близким к Ларго Кабальеро, и тот вес, который имела эта партия на правительство Хиралья, — на том, чтобы в Мадриде чётко поняли: победа должна быть одержана в Марокко, а не на территории полуостровной Испании. Необходимо, чтобы республиканское правительство, — настаивал Гарсия Оливер в разговоре с Альваресом дель Вайо, — сделало официальное заявление о независимости испанского протектората в Марокко. Если испанское правительство поступит таким образом, указал Гарсия Оливер, то генерал Франко будет побеждён в своём собственном тылу и контроль над полуостровом установится в считанные дни. Альварес дель Вайо пообещал изложить в Мадриде эту точку зрения, однако «к несчастью — по словам Альвареса дель Вайо, — в Мадриде он не нашёл понимания, и никто не обратил внимания на идею Гарсии Оливера»⁸⁰.

Тем не менее, Гарсия Оливер не особо доверял Альваресу дель Вайо и тому, что тот мог бы сделать в Мадриде. Он сам принял за миссию восстания в Марокко:

«За несколько дней до нашей революции товарищ из профсоюза графического искусства, Хосе Мархели, поддерживающий тесный контакт со мной и нашей деятельностью, познакомил меня с человеком по имени Архила⁸¹ — египтянином, преподавателем иностранных языков в Академии Берлиц. По словам Мархели, Архила и ранее его отец являлись влиятельными активистами в арабском мире, тесно связанными с Панисламским комитетом, работавшим в Женеве⁸².

Когда началась революция и когда мы осознали, сколь скудные идеи о Республике имели члены правительств, постоянно подававшие в отставку, я пригласил Мархели и Архилу на заседание Комитета милиций Каталонии, в состав которого я входил и руководил Военным департаментом. Я спросил у Архилы о его отношениях с официальным миром панисламизма в Женеве. Он мне ответил, что являлся их официальным агентом в Испании и что готов сотрудничать со мной. Принимая во внимание важность контактов с главами конспирации арабского мира, я назначил встречу на следующий день, в том случае, если Архила вместе с Мархели были готовы взяться за миссию, с целью подготовки альянса между нами и арабским миром. С согласия Архилы и Мархели я изложил дело Марианету, секретарю Регионального комитета Каталонии, который одобрил мои действия в будущем. Также я сообщил о возможных результатах этого дела на собрании Центрального комитета милиций, которые мы проводили каждый вечер; все участники одобрили мои действия и дали мне самые широкие полномочия.

На следующий день пришли Мархели и Архила. Я представил им товарища Магриню, моего представителя в Отделе пропаганды Центрального комитета милиций. Все они были широко информированы мной о целях их работы в Женеве, им выдали верительные письма, паспорта, деньги, и они отправились в путь...»⁸³

«Мы вылетели прямым самолётом в Париж, чтобы там сделать пересадку на Женеву. В Женеве мы поселились в отеле “Россия”. Установив контакты, отправились на встречу с пожилым господином в его роскошной резиденции; он пригласил нас на обед в стиле и традициях его страны, с большой долей торжественности и исключительной роскошью.

Во время обеда мой спутник рассказал ему о цели нашего визита, и тот пообещал передать наши предложения националистским лидерам Марокко. Конкретно речь шла о просьбе поддержки дела Испанской Республики в Марокко со стороны Торреса и его организации взамен на независимость или автономию, согласно их пониманию этого вопроса»⁸⁴.

Пока продолжались эти беседы, переместимся опять в колонну «Дуррути».

Версия #1

Зверобой создал 19 июля 2025 01:08:43

Зверобой обновил 19 июля 2025 01:18:13